

17. *Morus T.* A utopia ou o tratado do melhor governo. P. Alegre: L&PM, 2000.

18. *Parret H.* La rhétorique como heuristique et méthode chez Kant // M. Meyer, A. Lempereur Figures et conflits rhétoriques. Bruxelles: Editions de l'Université, s/d. P. 103—114.

19. *Platon.* Obras completas. Madrid: Aguilar, 1966. Carta 7. P. 1593—1615.

20. *Rohden V.* Utopia como idéia crítica. Theophilos. Canoas: ULBRA. V.1. n.1. Jan.-Jun. 2001. P. 205—219.

21. *Rohden V.* O sentido do termo Gemüt em Kant // D.O. Perez Kant no Brasil. S. Paulo: Escuta, 2005. S. 25—40.

И.Д. КОПЦЕВ

(Российский государственный университет им. И. Канта)

Субъектно-речевая структура автора как фактор порождения дискурса в философской прозе И. Канта

В одной из своих опубликованных ранее статей мы пытались показать, что Кант как автор текста, в частности «Критики чистого разума», выступает, по крайней мере, в роли четырех речевых субъектов: 1) **как собственно речевой субъект** (носитель речи, автор и организатор дискурса); 2) как теоретический субъект, т.е. как **носитель теории трансцендентального мышления и познания**; 3) как **субъект эмпирического и трансцендентального мышления и познания**, ментальные акты которого выполняют функцию подтверждения, иллюстрации и шире — аргументации выдвигаемых автором положений; и 4) как речевой субъект, выражающий отношение к своей теории, защищающий ее, полемизирующий с другими теориями и авторами и учитывающий фактор адресата (**автор как мета-субъект, или как трансцендентный субъект**) [1, с. 89].

Акты речи, «привязанные» к этим четырем субъектам, причудливо переплетаются в тексте Канта и, взаимодействуя друг за другом, «плетут» канву текста. При этом в качестве

«трансцендентальной» формы всех актов речи автора выступает — по аналогии с Кантовым понятием чистой логической апперцепции и, употребляя его термин, — речевая апперцепция автора, иными словами, авторское «Я говорю» (по аналогии с кантовским «Я мыслю»). «Я говорю» автора следует понимать как априорное представление синтетического единства всех актов речи, производимых автором и конституирующих текст; представление, принадлежащее его речевой и теоретической компетенции.

Наиболее важной формой взаимодействия речевых ролей автора является взаимодействие между «я» автора как субъектом эмпирического познания (опыта) и носителем трансцендентальных форм мышления и познания (в его субъективированном и объективированном модусах) и автором как носителем теории трансцендентального мышления и познания (под именами «я» и эксклюзивного «мы»). При этом акты речи с референцией к эмпирическому субъекту находятся, как правило, на «службе» у субъекта теоретического и его речевых актов. Например:

1. (I) «Пространство не является эмпирическим понятием, выводимым из внешнего опыта. (II) Ибо для того, чтобы какие-либо ощущения могли быть соотнесены мной с чем-либо вне меня (т.е. с чем-то находящимся в другом месте пространства, чем там, где я нахожусь) и точно так же для того, чтобы я мог представить их как находящихся вне друга друга или рядом друг с другом, следовательно, не просто как различных, но и как находящихся в разных местах — для этого представление пространства должно быть мне уже дано»¹ [2, S. 96].

В приведенном примере в пункте (I) автор как теоретический субъект производит речевой акт полагания тезиса, а в

¹ Здесь и далее по тексту элементы текста выделены мною и даются в моем переводе, так как имеющиеся переводы удовлетворительны не во всех отношениях.

пункте (II) он использует данные эмпирического субъекта познания, в роли которого выступает сам же автор, для обоснования положения, выдвинутого в пункте (I). В этом случае речевой акт (II) является синсемантическим в том смысле, что он включается в текст с помощью речевого акта (I), который следует считать с этой точки зрения автосемантическим, так как он начинает новый фрагмент коммуникации и не зависит от речи в пункте (II), а, напротив, обуславливает речевой акт (II)².

Довольно часто субъект эмпирического мышления и знания (впрочем, как и теоретический субъект тоже) выступает в тексте Канта под именем «мы» или неопределенно-личным именем „man», что значительно расширяет эмпирическую базу аргументации и способствует реализации логико-прагматической функции объективации выдвинутых автором положений. Например:

2. «Без осознания того, что то, что мы думаем в данный момент, есть то же самое, о чем мы думали мгновением раньше, невозможен никакой акт воспроизведения представлений в порядке их следования» [2, S. 180].

Как следует из данного примера, автор с помощью инклюзивной формы «мы» выходит за рамки своего «я» и включает себя в число всех других эмпирических субъектов познания, добиваясь тем самым максимальной степени убедительности и обобщения своих положений.

Но порядок следования речевых актов с референцией к эмпирическому субъекту и теоретическому может быть прямо противоположным, т.е. речевые акты первого могут предшествовать речевым актам второго. Это имеет место обычно в экспозитивном дискурсе с функцией введения в проблему или постановки того или иного вопроса. Ярким примером может служить второй параграф раздела «Трансцендентальной эсте-

² Нумерация речевых актов и разрядка здесь и далее по тексту моя.

тики», где говорится о пространстве и времени как субъективно-априорных формах созерцания мира:

3. (I) «С помощью способности к внешним ощущениям (свойства нашей души) мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас и всех их в пространстве в целом. В нем определены или определимы их форма, величина и их отношение друг к другу. Внутреннее чувство, посредством которого душа способна созерцать саму себя или свое внутреннее состояние, не дает нам, правда, возможности созерцать саму душу в качестве объекта, однако оно представляет собой некую форму, посредством которой единственно возможно созерцание ее внутреннего состояния, однако так, что все, что относится к этому состоянию, принимает форму отношений во времени. Внешне время невозможно созерцать, как, впрочем, и пространство, а как нечто, что внутри нас. (II) Что же такое пространство и время? Являются ли они действительными сущностями? Или они суть всего лишь предикаты вещей или отношения между ними, но такие, что присущи вещам как таковым, даже если последние не будут созерцаемы?... Чтобы нам выяснить это, мы рассмотрим сначала пространство» [2, S. 95].

В данном примере под (I) представлена речь автора с референцией к обобщенному эмпирическому субъекту «**мы**», к которому автор причисляет и себя (инклюзивное «**мы**»). В пункте же (II) представлена речь с референцией к автору как теоретическому субъекту, формулирующему проблему. Это — эксклюзивное «**мы**», с помощью которого автор реализует прагматическую функцию включения читателя в свои рассуждения. Оба речевых акта представляют собой единство, так как выдвижение какой-либо проблемы предполагает наличие определенной преамбулы, т.е. предварительных положений, из которых исходит автор при постановке вопроса. В данном случае речь в пункте (I) следует считать автосмантической, так как она начинается собой новый этап рассуждения, а речь в пункте (II) — синсемантическая, так как она вводится или обусловлена речевым актом (I).

Речевые акты автора как носителя своей теории имеют, кроме того, как правило, референцию к объекту (объектно-направленная речь). Эти речевые акты специфичны, т.е. обусловлены концептуальным замыслом автора и порядком обсуждения предмета речи. Кант как автор текста дает им свои определения и названия, такие как «expositio», или «Erörterung» (экспозитивное истолкование), «метафизическое истолкование» (metaphysische Erörterung), «трансцендентальное истолкование» (transzendente Erörterung) «трансцендентальная дедукция» (transzendente Deduktion), «трансцендентальная рефлексия» (transzendente Reflexion) и др. Все эти формы речи можно было бы назвать **логико-концептуальными дескриптивными** формами описания предмета рассуждения. Они являются основополагающими формами Кантова дискурса, обусловленными сущностью самого содержания текста «Критики чистого разума». Вот как Кант определяет, например, «трансцендентальное истолкование»:

«Я понимаю под трансцендентальным истолкованием представление какого-либо понятия как принципа, из которого могут быть усмотрены другие синтетические знания a priori» [2, S. 98].

Примером такого дискурса может служить параграф 3 «Трансцендентальной эстетики» в «Критике чистого разума», где доказывается, что геометрия как наука оказывается возможной благодаря априорности пространственного представления у субъекта.

Или вот как Кант определяет трансцендентальную дедукцию:

«Поэтому я называю объяснение того, как понятия a priori относятся к своим предметам, трансцендентальной дедукцией их и отличаю ее от эмпирической дедукции, которая указывает лишь на способ, каким благодаря опыту и рефлексии о нем понятие формируется, и, следовательно, это касается не правдомерности, а самого факта его возникновения» [2, S. 159].

Интересно также определение Кантом трансцендентальной рефлексии, которая, как и предыдущие формы, представляет собой также и речевое действие:

«Действие, посредством которого я путем сравнения определяю, к какой способности познания относятся представления вообще, и различаю их по тому, относятся ли они к чистому рассудку или к чувственному созерцанию, я называю трансцендентальной рефлексией» [2, S. 355].

Как явствует из данного определения, трансцендентальная рефлексия представляет собой специфическую форму философского дискурса Канта, она отличается от чисто логического рассуждения, для которого принадлежность представлений к той или иной способности познания не имеет значения. Эта форма речи включается в текст на продвинутом этапе рассуждения автора, в частности, когда речь заходит об амфиболии рефлексивных понятий, т.е. когда становится актуальным различение понятий по их принадлежности к разным познавательным способностям субъекта, трансцендентальной или чувственной. Как отмечает профессор Л.А. Калинин, сущность этого вида рефлексии у Канта состоит в самоотчете мыслящего субъекта «в том, для какой из функций сознания мышление используется» [3, с. 40]. Например:

4. «Родовое понятие (*Gattung*) есть представление вообще (*repraesentatio*). Оно включает в себя представление, сопровождаемое сознанием (*perceptio*). Перцептивное представление, которое как модификация состояния сознания субъекта принадлежит ему, есть ощущение (*sensatio*), объективное перцептивное представление есть знание (*cognitio*). Последнее есть либо созерцание, либо понятие (*intuitus vel conceptus*). Первое относится к предмету и является единичным, второе опосредовано каким-либо признаком, общим для многих предметов. Понятие может быть либо эмпирическим, либо чистым, а чистое понятие ввиду того, что источник его находится исключительно лишь в рассудке (не есть чистый чувственный образ), называется умозрительным (*notio*). Умозрительное понятие, выходящее за все пределы возможности опыта, есть идея, или понятие разума» [2, S. 401].

Как следует из приведенного примера, в основе рефлексивного дискурса лежит логическая операция дизъюнкции, выражаемая формулой «или... или».

Речь автора как трансцендентного субъекта, т.е. как экспертной инстанции трансцендентального мышления и познания, представляет собой различные речевые акты с преамбульной (интродуктивной), ретро- и проспективной, комментирующей, поясняющей, обобщающей, полемической, фатической и другими прагматическими функциями. Они как бы «обрамляют» с обеих сторон основной теоретический (дескриптивный) дискурс, ядро текста. Логически они менее строги, содержат зачастую образную речь. Ярким примером такой формы речи может служить вступительный фрагмент к третьей части «Трансцендентальной доктрины способности суждения», где говорится о делении всех предметов вообще на феномены и ноумены:

5. «Итак, мы не только прошли по стране чистого рассудка и внимательно рассмотрели каждую ее часть, но и измерили ее, определив каждой вещи в ней свое место. Но страна эта оказалась островом, заключенным самой природой в строгие границы. Это царство истины (прелестное название), окруженное безбрежным и бушующим океаном, являющимся, собственно, местом обитания видимости, где скрытые в тумане мели и полурастаявшие льды обольщают нас надеждой найти новые страны и тешат пустыми иллюзиями мореплавателя, жаждущего новых открытий, вовлекая его во все новые и новые приключения, от которых он не в силах избавиться, но и не в силах довести их до конца ...» [2, S. 332].

Это прекрасное по своей образности место переходит затем в речь проспективную, ориентирующую читателя относительно дальнейшего хода рассуждения, а именно:

6. «Но прежде чем нам отважиться уйти впласть по этому морю, чтобы исследовать все его широты и убедиться, на что можно в них рассчитывать, необходимо еще раз взглянуть на карту этой страны, которую нам надлежит сейчас оставить, и

спросить себя, не можем ли мы довольствоваться тем, что уже имеется в ней, или не следует ли нам ограничиться этим, ведь иначе нигде не найти твердой почвы, на которой мы могли бы возвести свое здание; во-вторых, на каком основании вообще мы владем даже этой частью суши и вправе ли прочно удерживать ее вопреки всем враждебным притязаниям...» [2, S. 332].

Приведенная выше цитата дает возможность читателю как бы сделать передышку и еще раз вместе с автором вкратце подвести итог предшествующему рассуждению, лучше понять его сущность, а также принять к сведению, о чем далее пойдет речь. Не случайно Кант как автор использует обобщающее «мы», имея в виду пройденные совместно с читателем предшествующие этапы рассуждения.

Одними из основополагающих актов речи с референцией к автору как трансцендентному (метаречевому) субъекту, как указывалось выше, являются акты речи с интродуктивной, комментирующей, поясняющей или полемической функцией. Они направлены прежде всего на то, чтобы ввести читателя в ту или иную проблематику, снять у него возможное неправильное понимание тех или иных теоретических положений, предвосхитить вопросы или дезавуировать возможные возражения со стороны оппонентов, или вообще подчеркнуть те или иные важные моменты рассуждения. Это акты речи с прагматикой, ориентированной на адресата. Примером такого дискурса может служить § 8 «Трансцендентальной эстетики», в котором Кант снимает возможное неправильное понимание читателем своей теории времени. Данный параграф называется «Общие замечания к трансцендентальной эстетике»:

7. «Во-первых, необходимо дать максимально ясное разъяснение относительно того, что мы понимаем под основополагающим свойством чувственного познания вообще с тем, чтобы предотвратить всякое недоразумение относительно последней.

Итак, (I) мы хотели сказать следующее, а именно, что (II) всякое наше созерцание есть не что иное, как форма, представляющая нам явления; что созерцаемые нами вещи суть в себе не то, за что мы их принимаем, а отношения между ними в себе таковы, как они нам являются, и что если мы вообще удалим себя как субъект или даже только субъективное свойство нашей чувственности, то исчезнут и все свойства объектов и все отношения между ними в пространстве и времени и, более того, даже сами пространство и время; что последние как явления не существуют сами по себе, а находятся только в нас» [2, S. 113].

Как следует из приведенного примера, акты речи автора как трансцендентного субъекта с поясняющей, подытоживающей или иной иллюкативной функцией ретроспективны (I), т. е. они представляют собой как бы завершающие этапы рассуждения и содержат ссылку на предыдущий, основной, текст и в этом смысле они синсемантические, ибо повторяют то, о чем уже было сказано выше (II).

Одной из характерных черт этого вида речи является также и то, что автор, производя их, учитывает фактор адресата. Дело в том, что если речь автора как теоретического субъекта носит специфические формы, обусловленные самим содержанием текста, т. е. они направлены прежде всего на сам объект рассуждения, то речь метауровня направлена прежде всего на адресата, имеет в виду адресата как участника процесса рассуждения, единомышленника или даже как возможного оппонента. В связи с этим следует отметить, что не только речевой образ автора структурирован по указанным выше уровням текста, но и образ адресата. Адресат как субъект эмпирического (опытного) мышления постоянно вовлекается автором в процесс рассуждения, используя его для целей подтверждения своих положений. Приведем небольшой, но показательный в этом отношении пример из второй части учения о «Трансцендентальной логике»:

8. (I) «Если мы способность нашей души получать представления постольку, поскольку она каким-либо образом

аффицируется (испытывает воздействие), назовем чувственностью, то в противоположность этому способность производить сами представления, или способность познавать (*Spontaneität des Erkenntnisses*), — рассудком. (II) Наша природа устроена таким образом, что созерцание никогда не может быть чем-либо иным, как только чувственным, т. е. оно содержит только способ, каким предметы аффицируют нас» [2, S. 126].

В данном примере речевой акт в пункте (I) с иллокуцией определения имеет референцию в том числе и к адресату как участнику акта определения автора (эксклюзивное «мы»), а речевой акт в пункте (II) с иллокуцией обоснования относится к автору и адресату как эмпирическим субъектам, т. е. адресат представлен в первом случае как участник в разработке теории трансцендентального мышления, а во втором — как эмпирический субъект (инклюзивное «мы»), данные которого привлекаются для обоснования и обобщения выдвинутого выше положения. Но с наибольшим эффектом фактор адресата используется в актах речи с иллокутивной установкой на доказательство. В этом случае речь непосредственно обращается к нему, и доказательство строится от адресата. Вот как, например, строится доказательство тезиса о том, что мир имеет начало и ограничен в пространстве:

9. «Предположим, что мир не имеет конца во времени, тогда к любому данному его моменту должна пройти вечность, а тем самым и бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда как раз и состоит в том, что он никогда не может закончиться посредством сукцессивного синтеза. Следовательно, законченный бесконечный ряд мира невозможен и, следовательно, начало мира есть необходимое условие его наличного существования, что и требовалось доказать» [2, S. 514].

Как следует из данного примера, аргументация от адресата используется Кантом как средство создания максимально логичного и убедительного воздействия на читателя. Этот дис-

курс строится на основе строгих правил силлогистики, которые Кант называет суждениями разума.

Следует отметить также, что аргументация присутствует на уровне всех субъектно-речевых ролей автора, т.е. имеет разные формы и функции. С этой точки зрения интересна аргументация от эмпирического субъекта, которая принимает форму интроспективного дискурса. Нередко в этой роли выступает сам Кант. Показательным в этом отношении является следующий фрагмент из второй части учения об элементарных понятиях трансцендентального учения:

10. «(I) Теперь позвольте вновь приступить к нашей задаче.

(II) То, что нечто происходит, т.е. нечто (или какое-либо состояние) возникает, которого прежде не было, — это не может быть воспринято эмпирически, если ему не будет предшествовать какое-либо другое состояние, не содержащее в себе первое. (III) Ибо нечто действительное, следующее за пустым временным отрезком, следовательно, нечто возникшее, которому не предшествует никакое положение вещей, в столь же малой степени может быть воспринято, как и само пустое время. Следовательно, любое восприятие какого-либо события есть ощущение, сменяющееся другим. (IV) Потому что так обстоит дело с любым синтезом восприятия, как это было показано мною выше на примере восприятия дома; так что одно явление ничем не отличается от другого. (V) Однако я замечу еще следующее: (VI) если я в каком-либо явлении, содержащем событие, называю предшествующее состояние в восприятии «А», а последующее «Б», то «Б» может лишь следовать за «А»; но само восприятие «А» не может следовать за «Б», а только предшествовать ему. (VII) Например, я вижу судно, плывущее по реке. Мое восприятие его местоположения внизу по течению следует за восприятием его в верхнем течении реки. И невозможно, чтобы при восприятии этого явления судно находилось сначала внизу, а затем вверху реки. Следовательно, в данном случае порядок следования ощущений при восприятии определен, и второе зависит от первого. (VIII) В примере выше с домом мои ощущения при его восприятии могли начинаться

сверху и заканчиваться внизу или, напротив, начинаться снизу и заканчиваться вверху; многообразное данного эмпирического созерцания могло также происходить справа налево...

(IX) Следовательно, в нашем случае я должен субъективную последовательность восприятия ставить в зависимость от объективной последовательности в явлении, так как иначе первая будет совершенно неопределенной и невозможно будет отличить одно явление от другого...» [2, S. 286—287].

Данный выше отрывок интересен тем, что в нем представлены разные уровни и формы аргументативной речи автора. В пункте (I) автор выступает как организатор своего дискурса, производя фатическую функцию, т.е. функцию установления контакта с адресатом, а в пункте (III) производится обоснование положения, выдвинутого в пункте (II). Это — аргументация на уровне дескриптивного дискурса, или на уровне объектного языка (объектно-направленная речь). В пункте (IV) представлена аргументация в обобщающем модусе со ссылкой на предыдущий контекст (ретроспективный аргумент). В пунктах (V) и (VI) автор представлен как теоретический (V) и как эмпирический субъект (VI), аргументация которого интроспективна. В пункте (VII) производится аргументация также от эмпирического субъекта, но с функцией иллюстрации выдвинутого положения. В пункте (VIII) имеет место вновь ретроспективная аргументация от субъекта интроспективного мышления, а в пункте (IX) делается обобщающий вывод от него же. Таким образом, данную форму аргументации от эмпирического субъекта можно назвать **интроспективным аргументативным дискурсом**.

Итак, в данной статье мы пытались показать, что текст Канта в «Критике чистого разума» представляет собой сложную систему речевых актов, отражающую разные субъектно-речевые роли автора текста, три из которых, а именно: 1) Кант как автор и носитель своей теории трансценден-

тального знания, 2) Кант как субъект эмпирического теоретического мышления и 3) Кант как субъект оценки и комментатор своей теории играют основополагающую роль. Речевые акты последнего — это речевые акты с интродуктивной, поясняющей, ретроспективной и проспективной, полемической и т. д. функциями, носящими ярко выраженный прагматический характер и учитывающими фактор адресата. Речевые акты теоретического субъекта — это прежде всего объектно-направленная (дескриптивная) речь, характеризующаяся специфическими формами, обусловленными самим специфическим содержанием данного философского произведения. Речевые акты автора как субъекта эмпирического и трансцендентального мышления носят в основном аргументативный характер, поставляя различные формы обоснования выдвинутых положений, главной из которых является интроспекция.

Все три речевые роли автора могут быть поданы как в субъективированном модусе речи, т. е. от «я» — субъекта, так и в объективированном модусе, т. е. от «мы» — или «тап»-субъекта.

Речевые акты с референцией к разным субъектным ролям автора причудливо взаимодействуют в данном произведении великого немецкого философа, конституируя его текст.

Список литературы

1. *Копцев И.Д.* К вопросу о субъектно-речевой структуре философского текста (на материале философской прозы И. Канта) // Кантовский сборник / Калинингр. ун-т. Калининград, 1990. Вып. 15. С.80—89

2. *Immanuel Kant. Kritik der reinen Vernunft.* Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun, 1979.

3. *Калинников Л.А.* «Критицизм» Канта и становление критического мышления // Критическое мышление, логика, аргументация: Сб. ст. / Под ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 35—50.